Днем капли застучали по черепице, и все четверо молодых людей, смущенные, сидели под карнизом и наблюдали за дождем.

— Мой дед велел мне прибыть в Чанъань, чтобы победить яо, — сказал Цю Юнсы с по-детски невинным лицом, — чтобы я набрался храбрости. Братья, я недостаточно обучен, поэтому, когда мы будем сражаться с яо, я надеюсь вы поможете своему сяоди.

— Я тоже не очень хорошо разбираюсь в этом, — произнес Хунцзюнь. — Что касается этих двоих… эм…

— Чем ты сражаешься? — поинтересовался Мо Жигэнь у А-Тая. — У тебя есть веер, ты, должно быть, очень искусен в обращении с ним.

— Это я еще не раскрыл свой великолепный магический артефакт, — улыбнулся мужчина. — Ничего не случится, если я расскажу вам, друзья. Все дело в этом барбате.

Сяоди (кит. □□) — самый младший из братьев.Барбат/Барбет — музыкальный щипковый инструмент, распространенный в арабских странах и странах Ближнего Востока. По внешнему виду он похож на лютню.

А-Тай тут же взял из-за спины музыкальный инструмент. Хунцзюнь с самого детства интересовался артефактами, но прежде он слишком плохо знал А-Тая, поэтому стеснялся что-либо спрашивать. Сейчас же, когда они уже немного сблизились, юноша осторожно прикоснулся к барбату и спросил:

— Этот барбат?

— Да, — кивнул А-Тай с улыбкой. — Он достался мне по наследству от ныне покойного отца. Когда появляются яо, мне остается только вооружиться им.

— Ты играешь какую-то мелодию?

— Нет, я бью им по головам врагов.

Хунцзюнь смутился.

— В моей руке этот барбат легок, как перышко лебедя, но, стоит ему обрушиться на яо, как он становится тяжел, словно гора Тай. Даже если противник — дракон, существует возможность убить его одним ударом.

— Прекрати, — сказал Хунцзюнь, положив руку на лоб и оттолкнул голову мужчины.

— Милашка, — начал он, придвинувшись к юноше и заглянув ему в глаза, — почему ты всегда такой хмурый? Жизнь же так прекрасна! Хочешь я сыграю тебе что-нибудь?

Наконец-то Мо Жигэнь не выдержал. Он перекинул руку на плечо Хунцзюня и остановил А-Тая.

— Не задирай его, он ничего не понимает.

Гора Тай/Тайшань (кит. □□) — гора, расположенная в провинции Шаньдун. Первый ее иероглиф

идентичен тому, что в имени А-Тай.

Хунцзюнь и правда чувствовал себя опечаленным. Да, у него появилось несколько новых друзей, но Лампа сердца пропала, метательные ножи исчезли, и он не знал, как все это исправить. Первоначально он думал, что присоединится к Отделу и убьет нескольких яо прежде, чем займется поисками. Но будущее было окутано туманом.

— У меня и правда есть некоторые проблемы…

— Какого рода проблемы? — спросил Мо Жигэнь. — Расскажи, а мы постараемся помочь. Это имеет отношение к яо?

— Яо?! — резко выпрямился Цю Юнсы. — Это правда, что в Чанъане живут яо?

— Для меня будет честью помочь тебе, — сказал А-Тай.

— Пока ты не слишком близко, я могу помочь с чем угодно, — немного испуганно произнес Цю Юнсы. — Я правда храбрый… расскажи, что это за яо?

Хунцзюнь был очень тронут этим. Он сказал:

— Я пока обдумаю другие способы справиться с проблемой. Но, если у меня ничего не получится, я обращусь к вам, ребята.

— Хорошо, — улыбнулся Мо Жигэнь. — Лучше положить на себя, чем на Небеса или землю. Ты сможешь это сделать.

Сказав это, он похлопал юношу по плечу.

Дождь постепенно прекратился, и А-Тай снова заговорил:

— Какое великолепное зрелище! Как насчет вдохновляющей песни?

— Давай сначала приберемся и обустроим несколько комнат, — сказал Мо Жигэнь и, оперевшись на колени, поднялся. — Возможно, нам стоит переночевать здесь.

— Давайте поспим на постоялом дворе Чанъаня? — предложил А-Тай. — Давайте? Я угощаю.

— Пожалуй, я останусь здесь, — сказал Хунцзюнь. — От Чжао Цзылуна слишком сильно воняет рыбой, и, если мы остановимся на постоялом дворе, он кого-нибудь может напугать.

Он не знал причины, но это место начинало нравиться ему. Спустя долгое путешествие стоило ему узреть это зонтичное дерево, посаженное посреди двора, как он почувствовал, будто уже знает его. Мо Жигэнь плохо разбирался в таких вещах, как постоялые дворы, поэтому решил остаться с юношей. Цю Юнсы, немного поразмышляв, все же решил никуда не идти. И А-Тай, в конце концов, передумал и тоже остался в полуразрушенном Отделе экзорцизма.

Сумеречное время осветило столицу красными закатными лучами. Дождь шел уже третий день, и осень окончательно закрепилась в правах в Гуаньчжун.

Фэн Чанцин сжимал трость в левой руке, а императорский указ — в правой. Он вместе с Ли Цзинлуном шаг за шагом покидал казармы Лунъу. Высокий и крепкий Ли Цзинлун держал сверток постельного белья. Первоначально он собирался попросить слуг, но Фэн Чанцин настоял на том, чтобы он нес его, пока они вместе идут домой, тем самым привлекая внимание горожан.

Получив приказ о переводе, мужчина собрал свои постельные принадлежности и решил вернуться домой. Он устал от этих постоянных насмешек над его бедственным положением, что преследовали его на улицах. Этого блудного сына снова выгнали из Лунъу.

— Эй, тебя переводят в Отел экзорцизма Великой Тан, — сказал Фэн Чанцин, сжимая бумагу. Он шел, хромая, и не было ясно, обращался ли он сейчас к брату или самому себе. — Канцлер правой руки лично повысил тебя на два ранга за одну ночь!

— Я больше так ходить по городу не буду, — тихо сказал Ли Цзинлун.

Прохожие горожане показывали на него пальцами и перешептывались так, будто мужчина не чувствовал взглядов на своей спине. Фэн Чанцин развернулся и ударил его тростью.

— Почему тебя не волновала твоя репутация, когда ты несся прочь из Пинканли?! — закричал он.

Ли Цзинлуну очень хотелось бросить белье на землю и сбежать, но на сыновьем благочестии строится все человечество. Родители Ли Цзинлуна умерли, когда он был ребенком, и, хотя Фэн Чанцин и приходился ему лишь двоюродным братом, он на протяжении многих лет поддерживал его. Если он ослушается своего старшего кузена, он никогда не сможет поднять ни перед кем головы, поэтому мужчина стиснул зубы и стерпел резкие слова.

— Чья репутация пострадала из-за того, что ты разгуливал по улицам?! — сокрушался Фэн Чанцин. — Моя репутация! Понимаешь, моя!

Ли Цзинлун сказал, продолжая следовать за братом:

— Если бы он умер, кто бы узнал правду его жизни?! Рано или поздно тайное откроется. Если уж ты мне не веришь, зачем чихвостишь меня перед всеми этими людьми?! В глубине души ты прекрасно знаешь, солгал ли я или нет!

— Тогда почему бы тебе самому не дать Его Величеству узнать правду? Где тот яо, о котором ты талдычишь?! Давай, разыщи того человека с той ночи и поставь его перед судом, а потом допроси! Почему бы тебе не отыскать их ради меня?!

Ли Цзинлун был так зол, что все его тело дрожало. У входа в переулок он прошипел:

— Однажды ты увидишь.

Если бы он умер, кто бы узнал правду его жизни? (кит. □□□□□□□,□□□□□□□) — довольно вольный перевод строчки из поэмы Бай/Бо Цзюйи, поэта династии Тан. В общем, суть этой фразы заключается в том, что люди не должны судить о ком-то, основываясь лишь на чем-то одном. Нужно получить полное представление ситуации, прежде чем делать выводы.

Фэн Чанцин ничего не ответил. Вдвоем они прошли чуть больше половины Чанъаня, ведь мужчина специально повел младшего брата в обход через Западный рынок. Когда они зашли в переулок, Ли Цзинлун, держа в руках сверток с бельем, повернулся и пошел в другой конец квартала.

— Куда ты идешь? — спросил Фэн Чанцин, выпрямив спину.

Ли Цзинлун не ответил, только ускорился. Он не желал возвращаться в дом брата, если это приведет только к бесконечным спорам. Фэн Чанцину оставалось только хромать, опираясь на трость, и пытаться догнать брата, который молча и уверенно шагал по переулку.

Из глубин переулка доносились резкие звуки музыки и пение людей. Булыжники окрасились в красный из-за заката, их тень легла на Ли Цзинлуна. Веял осенний ветер, все вокруг выглядело каким-то мрачным.

— Куда ты собрался?! — настойчиво переспросил Фэн Чанцин.

Лицо Ли Цзинлуна, когда он молча шел вперед, не выражало никаких эмоций. Дойдя до конца переулка, он толкнул сломанные двери, и левая створка упала внутрь с потрясающем небеса глухим звуком.

Бам!

Взору предстал внутренний двор.

Музыка во дворе резко оборвалась. Все замерли и повернулись и уставились на Ли Цзинлуна.

Во дворе на лютне играл А-Тай, Хунцзюнь бил палочками по маленькой выщербленной миске, Цю Юнсы бил бамбуковыми палочками о камень, а Мо Жигэнь дергал тетиву в ритм. Они стояли вокруг деревянной бадьи, наполовину заполненной водой. Внутри находился карп с руками и ногами, одной ногой он опирался о край «ванны» и размахивал руками взад-вперед, танцуя.

Как только дверь рухнула, четверо молодых мужчин и карп одновременно замерли, уставившись на Ли Цзинлуна и Фэн Чанцина.

Ли Цзинлун был безмолвен.

Все подчинено судьбе, ничего люди не контролировали.

Ли Цзинлун еще не знал, что жизнь затеяла с ним игру. Будто все, что он пережил за свои двадцать лет, нужно было лишь для того, чтобы он «случайно» распахнул перед ним дверь.

Словно по воле судьбы, как только его взгляд встретился с глазами этого прекрасного юноши, все в этом мире перестало существовать для него. В сознании его осталось только лицо, что он

никогда в своей жизни не забудет.

Если бы вся наша жизнь не состояла из серии прекрасных первых впечатлений, как бы скучно мы, наверное, жили бы!

Бесчисленные эмоции смешались в его сердце, словно волны, бьющиеся друг о друга с силой, способной обрушить небо. Они мгновенно разрушили все его барьеры. Множество тысяч слов были превращены в четыре простых:

— Верни мое честное имя!

Взревев, Ли Цзинлун вытащил меч. Бывший офицер быстрой тенью приблизился к Хунцзюню и атаковал его. В этот же миг Хунцзюнь, завидев клинок, сделал шаг назад и прыгнул. Когда он оказался в воздухе, остальные юноши наконец-то среагировали…

— Смилуйся! — крикнул Мо Жигэнь.

— Друзья! Нет нужны суетиться из-за пустяков! — воскликнул А-Тай.

— Не бойся! — встрепенулся Цю Юнсы.

И все же мишенью Ли Цзинлуна был не Чжао Цзылун, а Хунцзюнь, на которого он наставил свой меч. В мгновение ока трое зевак почувствовали твердое намерение убить и кинулись защищать своего нового друга. А-Тай взмахнул веером, Мо Жигэнь двинулся вперед, чтобы заблокировать удар, а Цю Юнсы неожиданно ухватился за свой клинок. Они втроем попытались остановить нападающего, однако он уже пересек двор, бросившись за Хунцзюнем!

— Он обычный человек! — предупредил Хунцзюнь. — Помягче с ним!

Юношу охватил трепет, когда он увидел меч в руке Ли Цзинлуна. В ту ночь именно он разрушил Пятицветный свет. С тех самых пор Хунцзюнь прокручивал это бесчисленное количество раз, очевидно, второй раз он на одни и те же грабли не наступит. В обеих руках он сжимал по метательному ножу и, взмыв в воздух, бросил свои клинки в черный, словно смоль меч.

Как только ножи и клинок встретились, от них вырвался духовный резонанс. Внезапно зрачки Ли Цзинлуна сузились, и в момент, когда он собирался снова двинуться, клинки Хунцзюня где-то в семь цуней опустились и в «четыре унции дают тысячу» остановили лезвие и развернули его!

Четыре унции дают тысячу (кит. □□□□□) — победить малыми силами.

От этого рукоятка начала вращаться, а область между большим и указательным пальцем загорелась огнем, когда меч стал падать из рук Ли Цзинлуна.

Мо Жигэнь, А-Тай и Цю Юнсы в один голос радостно завопили, когда Хунцзюнь приземлился.

Следуя своим предчувствиям, они нанесли три сильных удара по плечам, Ли Цзинлуна, что отправило его в полет. Хунцзюнь, не успев полностью оценить ситуацию, тоже упал.

Несмотря на то, что их просили был помягче, они то ли не смогли вовремя сдержаться, то ли… в любом случае, Ли Цзинлун влетел в прихожую и ударился головой об открытую дверь. После он со свистом скользнул во внутренний двор и рухнул на землю без сознания.

Хунцзюнь нахмурился, он порезал палец о лезвие меча, и обе руки были покрыты кровью. Остальные юноши поспешили взглянуть. Мо Жигэнь свел брови:

— Ты ранен? Этот человек враг тебе?

Чжао Цзылун посмотрел налево, а потом направо, и его глаза встретились прямо с Фэн Чанцином, что стоял за дверью. Тот разинул рот; он еще не пришел в себя от шока, поэтому продолжал отступать. Карп громко закричал:

— Тут еще один! Не дайте ему уйти!

А-Тай и Цю Юнсы обернулись, второй взял меч в правую руку и прыгнул, как раз тогда, когда мужчина неистово закричал:

— Яо! Яо!..

Одной ногой юноша наступил на грудь незнакомцу, направив меч к его горлу. А-Тай, воспользовавшись шансом, бросил два куска веревки. Они взлетели и связали Фэн Чанцину руки и ноги.

Через полчаса Хунцзюню уже забинтовали руки, а братьев Ли Цзинлуна и Фэн Чанцина бросили в углу главного зала. Оба пребывали в бессознании.

— Его зовут Ли Цзинлун, он обычный стражник. Тогда я преследовал яо за пределами столицы…

Хунцзюнь начал с самого начала: он рассказал о произошедшем трем новым знакомым. Когда речь зашла о Лампе сердца, Чжао Цзылун многозначительно кашлянул, и юноша понял, что не должен говорить об этом. Поколебавшись мгновение, он полностью пропустил этот кусок. Как только он закончил, то встретился с удивленными взглядами слушателей.

— Ряд недоразумений, — сказал Мо Жигэнь. — Этот человек принял тебя за яо, поэтому и напал на тебя. Какое счастье, что ты сильно не страдал.

Мо Жигэнь как раз собирался подойти к Ли Цзинлуну и развязать его, как карп вытащил какой-то сверток и постучал им по колену Хунцзюня.

— Что это? — удивленно спросил юноша.

— Они бросили это снаружи, — ответил яо.

Цю Юнсы взял бумагу и, открыв его, понял, что это императорский указ. Он начал читать его:

— Уважаемый чиновник, священный Сын Неба восседает на престоле и видит все в своей благодатной славе. Господин Ди исполнял волю императора, создавая Отдел экзорцизма Великой Тан, и сегодня мы назначаем Ли Цзинлуна из гвардии Лунъу на пост а-а-адъютанта Отдела э-экзорцизма…

Столпившиеся вокруг одновременно подняли глаза и уставились на Ли Цзинлуна. Затем они опустили голову и посмотрели на указ. Руки Цю Юнсы, что держал бумагу, неистово дрожали, а уголки его губ подергивались.

http://tl.rulate.ru/book/3616/89501